напрямую, минуя все смуты и неувязки легитимности 1825 года. Если Петр I — «Основатель», то Николай оказывался «завершителем» в образовании могущества российского флота (а с ним — и могущества вообще).

Этот парад и стихотворение Стромилова служат выразительным примером того, как воспринималось стихотворение Пушкина «Пир Петра Первого» внутри исторического контекста 1836 года. «Декабристский» подтекст не был прочитан — и не этот пласт ассоциаций был выдвинут вперед. Стихотворение Стромилова — своими цитатами из Пушкина — связало «Пир Петра Первого» с реальным июльским церемониалом. Символическая проекция пушкинского текста воплотилась в реальность николаевского торжества, и именно этот «урок» был извлечен властью из текста поэта.

Вера Проскурина

АФРИКАНСКИЙ ЭПИЗОД БИОГРАФИИ ВНУЧКИ ПУШКИНА Е. А. РОЗЕНМАЙЕР

Внучка А. С. Пушкина Елена Александровна Розенмайер известна главным образом благодаря своим заявлениям о том, что у нее хранился неизвестный исследователям дневник Пушкина. В 1923 году, проживая в Турции, она предлагала пушкинистам А. Ф. Онегину и М. Л. Гофману купить у нее личные вещи поэта и его жены, а также «одолжить» ей деньги для поездки в Южную Африку в обмен на право ознакомиться с этой рукописью.[1] В пушкиноведении преобладает мнение, что утверждение Розенмайер о наличии у нее дневника поэта было мистификацией с целью «привлечь больше внимания к продаваемым ею раритетам».[2]

В письмах из Константинополя Розенмайер сообщала Онегину и Гофману, что собирается переехать в Южную Африку, в имение

[1] См.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Ч. 2 (1922—1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 901—902, 905.

[2] *Галин Г. А.* Дети и внуки Пушкина. М., 2009. С. 257. См. также: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 264; *Шальман Е. С.* Пушкин и пушкинисты. «Дневник № 1» // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2004. № 1. С. 125—133; Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Ч. 2. С. 813—814.

© Б. М. Горелик, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-169-177

«близ города Минзенбурга», где ее мужу была обещана должность. Из-за материальных трудностей семья не могла позволить себе купить билеты в эту страну, и было решено продать пушкинские реликвии. Как писала Елена Александровна, «слишком грустно было бы отказаться от службы и верного будущего для нас и дочери только из-за невозможности доехать до места назначения».[3]

После прекращения переписки с Онегиным и Гофманом Елена Александровна на несколько лет исчезла из поля зрения пушкинистов. Публикации Гофмана в эмигрантской прессе, а также его письма к родным и коллегам на родине поддерживали интерес к ее личности и местонахождению.[4] Исследователи тщетно изучали справочники в поисках «Minsenburg», ведь именно так указала название будущего места своего проживания Елена Александровна в письме к Онегину.[5] Предполагали, что ее двоюродная племянница, графиня Анастасия Михайловна де Торби, предложила Николаю Алексеевичу Розенмайеру работу в своих южноафриканских владениях. Впрочем, потомки поэта в России сообщили, что муж Анастасии Михайловны владел алмазодобывающими предприятиями в Южной Африке, но ни он, ни его жена в этой стране не бывали, так что и Розенмайер там жить не могла.[6] Оставалось неясным, ездила ли семья Елены Александровны в Южную Африку и кто мог ждать ее там. Как отмечал В. М. Русаков, «сообщение Е. А. Розенмайер о ее намерении переехать из Турции в южноафриканское имение английских родственников до сих пор является загадкой».[7]

Решить эту загадку помогло обобщение всех известных материалов об отъезде и пребывании Елены Александровны на юге Африки, а также изучение биографических исследований, посвященных семье Анастасии Михайловны и предполагаемому работодателю Н. А. Розенмайера в Южной Африке. Кроме того, в исследовании были использованы материалы Государственного архива ЮАР, обработанные и любезно предоставленные его сотрудником Густавом Хендричем.

---

[3] Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Ч. 2. С. 905.

[4] См.: *Гофман М.* 1) Еще о смерти Пушкина // На чужой стороне: Историко-литературный сборник. Прага, 1925. Т. 11. С. 48; 2) Существует ли неизданный дневник Пушкина? // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 256—264; *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 244—245.

[5] См.: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 81; *Галин Г. А.* Дети и внуки Пушкина. С. 257.

[6] См.: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 85; *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. М., 1999. С. 472.

[7] *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. С. 472.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Младшая дочь сына поэта, Александра Александровича Пушкина, Елена Александровна после Октябрьской революции вместе с матерью переехала в фамильное имение в Крыму, а оттуда — в Турцию. Благодаря владению турецким языком она устроилась переводчицей в русское посольство в Константинополе, а в начале 1920-х годов зарабатывала на жизнь уроками и вышла замуж за отставного ротмистра Николая Алексеевича Розенмайера.

Финансовое положение семьи ухудшилось в начале 1923 года, после рождения дочери. У них были личные вещи поэта, вывезенные Еленой Александровной и ее матерью из крымского имения. Елена Александровна предложила их парижскому пушкинисту А. Ф. Онегину, который привлек к переговорам с ней представителя Пушкинского Дома во Франции М. Л. Гофмана. Но Онегин отказался приобрести личную печать поэта, портрет его супруги и остальные предметы, которые гораздо позднее Розенмайер продала другим коллекционерам.

О намерении переехать из Турции в Южную Африку внучка поэта заявляла с начала 1923 года. Несмотря на то что сделка с Онегиным сорвалась, супругам Розенмайер удалось найти средства, чтобы покинуть Константинополь. О том, что Елена Александровна провела несколько лет в Южной Африке, сообщали несколько заслуживающих доверия лиц, в том числе С. М. Лифарь.[8] Косвенным свидетельством может быть то, что не обнаружено сведений о ее проживании в Турции или в странах Европы с мая 1923-го по июль 1929 года, хотя ее разыскивали не только зарубежные покупатели пушкинских реликвий, но и отечественные дипломаты, по поручению Совета народных комиссаров.[9] Если внучка Пушкина в эти годы проживала в Южной Африке, где не было ни советских диппредставительств, ни больших русских общин, не удивительно, что ее не удавалось найти.

Розенмайер писала Онегину, что «приглашение в имение в Юж<ную> Африку», где ее супругу была предложена работа, она получила от двоюродной племянницы, Анастасии Михайловны, проживавшей в Англии.[10] Правнучка поэта вышла замуж за сэра Гарольда Уэрнера, сына сэра Джулиуса Уэрнера, одного из богатей-

---

[8] См.: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 85; *Лифарь С.* Моя зарубежная пушкиниана: Пушкинские выставки и издания. Париж, 1966. С. 177.

[9] См.: *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. С. 156—157; Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. С. 815.

[10] Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. С. 905.

ших жителей Великобритании. Сэр Гарольд унаследовал не только обширную английскую усадьбу Лутон-Ху (Luton Hoo), но и доли в крупных горнодобывающих предприятиях Южной Африки. Хотя в 1920-е годы члены семьи Уэрнер не посещали эту страну, у них оставались там деловые и личные контакты. Семья Розенмайер отправилась в Южную Африку по протекции Анастасии Михайловны и ее матери, графини Софии Николаевны Меренберг, которые трудоустроили Николая Алексеевича благодаря связям сэра Гарольда.[11]

В начале 1920-х годов Анастасия Михайловна — постоянный персонаж британской светской хроники, гостеприимная и щедрая хозяйка. Леди Анастасия плохо говорила по-русски, но занималась благотворительностью в пользу беженцев из России, так что она имела возможность помочь Елене Александровне делом и деньгами.[12] После того как семья Розенмайер вернулась из Южной Африки, они продолжали общаться, и Елена Александровна навещала Анастасию Михайловну в Англии.[13]

Миллионеры Уэрнеры, чтившие память о Пушкине и дорожившие родством с ним, не приобрели пушкинские реликвии у Розенмайер, хотя, казалось бы, для обеих сторон это был удобный и выгодный вариант.[14] Елена Александровна даже не упоминала о такой возможности в сохранившейся переписке с Онегиным и Гофманом. Возможно, это связано с тем, что в 1920-х годах потомки поэта в Англии еще не вполне понимали ценность наследия поэта, предпочитая коллекционировать не пушкинские реликвии, а ювелирные изделия Фаберже. Например, вскоре после отъезда Розенмайер из Турции Уэрнеры уступили единственные сохранившиеся у них рукописи поэта С. П. Дягилеву. Лишь после Второй мировой войны представители семьи попытались выкупить эти рукописи обратно и устроили в Лутон-Ху экспозицию, посвященную Пушкину, а также стали проводить мероприятия в его честь.[15]

---

[11] См.: *Фридкин В.* Из зарубежной пушкинианы. М., 2006. С. 305.

[12] См.: *Trevelyan R.* Grand Dukes and Diamonds: The Wernhers of Luton Hoo. London, 1991. P. 307—308, 317—318.

[13] См.: *Галин Г. А.* Дети и внуки Пушкина. С. 257; *Розен-Мейер Е.* Письмо в редакцию // Иллюстрированная Россия. 1937. № 10 (616). 27 февр. С. 4.

[14] См.: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. С. 278; *Фридкин В.* Из зарубежной пушкинианы. С. 305—306; *Скосырев В.* Письмо из Англии. Встречи с потомками Пушкина // Известия. 1982. № 242. 30 авг. С. 3.

[15] См.: *Лифарь С.* Моя зарубежная пушкиниана. С. 178; *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. С. 166; *Trevelyan R.* Grand Dukes and Diamonds. P. 442—446.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

В письме к Гофману от 30 января 1923 года Розенмайер указала свой будущий южноафриканский адрес: «South Africa, Minsenburg c/o Sir Abe Bailey for Miss H Pushkin».[16]

Судя по этим данным, внучка Пушкина планировала поселиться в Мейзенберге (Muizenberg), между Кейптауном и мысом Доброй Надежды. Этот городок вошел в историю благодаря сражению при Мейзенберге (1795 г.) между кораблями английского и голландского флотов, которое способствовало переходу этой колонии Нидерландов под контроль Британской империи. В 1920-е годы, когда Розенмайер проживала на юге Африки, городок был знаменит песчаными пляжами и летними резиденциями миллионеров, заработавших состояние за счет инвестиций в горнодобывающую промышленность страны.

Одним из этих магнатов был сэр Эйб Бейли (Abe Bailey), упомянутый Розенмайер в письме к Гофману. Бейли был уважаемым в Великобритании и на юге Африки бизнесменом, инвестором и политиком, немало способствовавшим созданию Южно-Африканского Союза по окончании англо-бурской войны. Его супруга, леди Мэри, принадлежала к древнему ирландскому роду Вестенра.

Уроженец Южной Африки, Бейли не состоял в родстве с Уэрнерами, но был связан с этой семьей деловыми интересами. Бейли и Уэрнеры участвовали в холдинговой компании «Rand Mines Ltd.», созданной крупнейшими горнопромышленниками для финансирования добычи золота на больших глубинах в Трансваале. Бейли дружил с южноафриканским компаньоном Уэрнера, Альфредом Бейтом. В последний приезд Джулиуса Уэрнера на юг Африки в 1903 году он путешествовал по Кейптауну и окрестностям на автомобиле Бейли.[17] Они оба были возведены в баронетское достоинство и владели поместьями в Англии.

В 1920-е годы сэр Эйб благодаря частым поездкам в Великобританию мог встречаться с сэром Гарольдом и Анастасией Михайловной. У Бейли и Уэрнеров были общие великосветские увлечения. Посещение главных конноспортивных соревнований открывало им доступ в высшие круги английского общества: обе семьи владели скаковыми лошадьми, которые необычайно удачно выступали на британских скачках. Бейли прибывал в Англию каждый год к началу Эпсомского дерби и уезжал на родину по окончании сезона охоты

---

[16] РО ИРЛИ, № 29396, прилож., л. 7—7 об.

[17] См.: *Trevelyan R.* Grand Dukes and Diamonds. P. 76—77, 153; *Sayer H.* Sir Abe Bailey: His Life and Achievements. History Honours Research Paper. University of Cape Town, 1974. P. 11.

на фазанов.[18] И Бейли, и Уэрнеры были радушными хозяевами, часто устраивавшими в своих резиденциях приемы для видных британских политиков, бизнесменов и аристократов, включая премьер-министра и членов королевской семьи.

Сэр Эйб, так же как сэр Джулиус Уэрнер, восхищался английской культурой и достижениями Великобритании, поддерживал ее колониальные устремления.[19] Его кумиром был «строитель Британской империи», политик, предприниматель и колонизатор Сесил Родс; Бейли считал себя его преемником. На юге Африки Бейли не только стал депутатом парламента от округа, который до него представлял Родс, но и приобрел и достроил особняк «Руст-эн-Фриде» («Rust-en-Vrede», «Мир и покой»), спроектированный для Родса в Мейзенберге его любимым архитектором Гербертом Бейкером, который впоследствии работал над проектом Здания Союза (Union Buildings) в Претории, где размещается правительство страны.

Среди зданий начала XX века в Мейзенберге «Руст-эн-Фриде» считается наиболее элегантным. Этот дом выполнен в «капско-голландском» стиле: белые стены, высокие фронтоны, красно-коричневая крыша и отделка из тикового дерева. Сообразно названию, резиденция Бейли находилась вдали от шоссе, проходившего по берегу у залива. С крыльца, между колонн, открывался вид на горы и два мыса вдали и был слышен шум прибоя.[20] Сэр Бейли жил там до конца своих дней и похоронен на горном склоне за домом.

Если Н. А. Розенмайер трудился в имении сэра Эйба в Мейзенберге, вероятно, жизнь внучки Пушкина в Южной Африке была связана с особняком «Руст-эн-Фриде», основной южноафриканской резиденцией Бейли.

В 1920-е годы Бейли проводил полгода в Великобритании, а остальное время — между Кейптауном, где он заседал в парламенте, и Трансваалем, где занимался бизнесом. Бейли оказывал влияние на южноафриканскую политику, прежде всего благодаря неформальным контактам с общественными деятелями, которые собирались на приемах в «Руст-эн-Фриде», где непринужденно общались и обменивались мнениями представители конкурирующих партий. Даже после 1924 года, перестав быть депутатом, Бейли устраивал неформальные ужины для парламентариев.[21]

---

[18] См.: *Sayer H.* Sir Abe Bailey. P. 65.

[19] Ibid.

[20] См.: *Walker M.* Coastal Memories: Muizenberg, St. James, Kalk Bay, 1870—1920. Cape Town, 1999. P. 62; *Picton-Seymour D.* Historical Buildings in South Africa. Cape Town, 1989. P. 47.

[21] См.: *Sayer H.* Sir Abe Bailey. P. 59—61.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Личный архив Бейли недоступен для исследователей, и представители его семьи не ответили на мои запросы, поэтому можно лишь гадать, какую работу выполнял в Мейзенберге муж Елены Александровны, инвалид Первой мировой войны. Поскольку в Турции семья бедствовала, Николай Алексеевич, скорее всего, не владел востребованной гражданской специальностью. Однако сомнительно, чтобы Бейли вызвал его в Южную Африку для неквалифицированной работы: в стране было достаточно желающих заниматься таким трудом за умеренное вознаграждение, да и рекомендация Уэрнеров обязывала к большему. Поэтому возможно, что Розенмайер работал управляющим в «Руст-эн-Фриде» или на одном из предприятий, принадлежавших Бейли.

Елена Александровна воспитывала маленькую дочь, и у нее вряд ли была возможность работать, особенно в первые годы. В преимущественно англоязычном Кейптауне у нее не могло быть проблем с общением, поскольку она воспитывалась английской гувернанткой и с детства говорила с ней по-английски даже за семейным обедом. Внучка Пушкина была настолько привязана к ней, что сделала своей компаньонкой и приняла на себя удар ножом, который хотел нанести англичанке какой-то сумасшедший.[22]

Отбытие Елены Александровны с семьей в Европу связывается с невозможностью для Николая Алексеевича продолжать работу в Южной Африке.[23] Его фронтовое ранение привело к психическому заболеванию, которое с годами прогрессировало. К 1931 году Розенмайер содержался в психиатрической больнице под Парижем. Впрочем, сэр Бейли тоже занемог: к концу 1920-х годов он оказался прикованным к постели из-за атеросклероза. Бейли стал распродавать ставшее ненужным имущество, в том числе фермы и поместья, хотя «Руст-эн-Фриде» оставил за собой.[24] Может быть, отъезд Розенмайеров из Южной Африки был вызван и этими событиями.

Свидетельств о пребывании семьи Розенмайер в Южной Африке, по-видимому, не сохранилось. Но упоминание о ней встречается в книге литературоведа С. Грея, который изучал судьбу одного из первых профессиональных драматургов в Южной Африке, Стивена Блэка. Оказалось, что Блэк в 1920-е годы проживал в Карросе, недалеко от Ниццы. Елена Александровна с дочерью Светланой в 1930—1940-х годах иногда жили там на вилле правнука Пушки-

[22] См.: *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. С. 152—153; *Мезенцова Н. С.* «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 24—25.

[23] См.: *Галин Г. А.* Дети и внуки Пушкина. С. 259.

[24] См.: *Sayer H.* Sir Abe Bailey. P. 66.

на А. Н. Павлова.[25] Когда полвека спустя эту местность посетил Грей, старожилы ничего не могли рассказать ему о южноафриканском литераторе, зато хорошо помнили внучку Пушкина, «известную нудистку».[26]

Хотя Гофман опасался, что Розенмайер увезет пушкинские реликвии в Южную Африку, где они могут «погибнуть», в конце 1920-х годов у Елены Александровны оставались вещи, которые отказался приобрести Онегин. Она хранила их в помятой жестяной коробке у себя на съемной квартире во Франции. Через несколько лет их купил С. М. Лифарь. Елена Александровна больше не заявляла о владении рукописями Пушкина, хотя до конца жизни утверждала, что они у нее когда-то были.[27]

Найти покупателя пушкинских раритетов на юге Африки для Розенмайер было бы гораздо сложнее, чем в Европе. В Южной Африке Пушкин был мало известен: до начала 1990-х годов не было опубликовано ни одного перевода его произведений на местные языки. Кроме того, в 1920-е годы русское «присутствие» в этой стране было минимальным — в Кейптауне проживало лишь 20—30 русских эмигрантов.[28]

Что касается сэра Бейли, то он не только не состоял в родстве с потомками Пушкина, но и не интересовался русской культурой. Бейли всю жизнь был англофилом: он собрал одну из богатейших в мире частных коллекций британской живописи, посвященной охоте и конному спорту, которую после его смерти приняла в дар Южноафриканская национальная галерея.[29] Ни одно произведение искусства в его британском и южноафриканском собраниях не было создано русским художником. Более того, ни один предмет, находившийся в «Руст-эн-Фриде» на момент его смерти, не имел отношения к России.[30]

---

[25] См.: *Русаков В. М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. С. 334; *Приходько Т. Ф.* Письмо автору, 10 ноября 2018 г.

[26] *Gray S.* Free-Lancers and Literary Biography in South Africa. Cross/Cultures. Readings in the Post/Colonial Literatures in English. Amsterdam; Atlanta, 1999. Vol. 36. P. 84.

[27] См.: *Лукаш И. В.* Внуки Пушкина в изгнании // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). М., 2000. Т. 2. С. 83; *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С. 448; *Бахрах А. В.* Бунин в халате: По памяти, по записям. М., 2018. С. 140.

[28] См.: *Горелик Б. М.* Российская иммиграция в Южную Африку: Вчера и сегодня. М., 2007. С. 36—38.

[29] См.: *Tietze A.* A History of the Iziko South African National Gallery: Reflections on Art and National Identity. Cape Town, 2017. P. 86—88.

[30] Установлено по описи «Sworn appraisement and inventory to movables at Rust-en-Vrede. 1940». National Archives of South Africa (Государственный архив

Итак, причины и обстоятельства отъезда внучки А. С. Пушкина в Южную Африку можно считать проясненными. При содействии потомков поэта в Англии муж Елены Александровны получил предложение трудоустройства от крупного южноафриканского предпринимателя сэра Эйба Бейли. По-видимому, работа была связана с главной резиденцией Бейли на юге Африки. Хотя Е. А. Розенмайер владела несколькими пушкинскими реликвиями, они не остались в Южной Африке после ее переезда во Францию, в том числе потому, что Бейли не коллекционировал русские раритеты.[31]

Б. М. Горелик

ЮАР), Cape Town Archives Repository: source: MOOC; volume: 6/9/6773, file: 70085.

[31] Благодарю за помощь в работе над статьей Г. Хендрича (Служба архивов и регистрации провинции Западный Кейп, Кейптаун), Т. Ф. Приходько (Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва), А. Титце (Кейптаунский университет), Дж. Кимбл (Библиотека Брентхерст, Иоханнесбург).

Пушкинский кабинет ИРЛИ